

3. Голубкова О. В., Будаева С. В., Крикау Л. В. Локальная традиция погребального обряда славянского населения юга Западной Сибири в XVII–XX вв.: к вопросу о типологии // Научный диалог. 2017. № 1. С. 131–143.
4. Список населенных мест Сибирского края: в 2 т. Т. 1. Округа Юго-Западной Сибири. Новосибирск, 1928. 831 с.
5. Фурсова Е. Ф. Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири: типология, идентичность, межкультурные взаимодействия // Этнокультурное взаимодействие в Евразии: в 2 кн. / под ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодина, В. А. Тишкова. Москва, 2006. С. 427–441.
6. Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. II: Демонологизация умерших людей / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 800 с.

УДК 39

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-28-34

М. А. Жигунова*Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, г. Новосибирск, Российская Федерация***Тюркское и славянское население Сибири: идентичность, культура, религия¹**

Аннотация. Сибирь является зоной активных межэтнических, межрелигиозных и межкультурных контактов, наибольшее количество которых приходится на славян и тюрков. Несмотря на чрезвычайную вариативность их традиционно-бытовой культуры, прослеживается немало общего в ментальности и культуре, фиксируются общесибирские черты, формирующиеся на основе русского языка и культуры. Не всегда совпадают религиозная, этническая, языковая и этнокультурная идентичности одного человека, а также самоопределение и реальная ситуация. Можно говорить и о том, что в Сибири формируется своеобразный вариант евразийской идентичности. **Ключевые слова:** славяне и тюрки; современность; Сибирь; проблемы идентичности; межэтнические браки; взаимовлияния народов, религий, культур; евразийство.

Сибирь — обширная территория на Севере Азиатского континента, которая вошла в состав Российского государства в XVI–XVII вв. Обычно ее границы на западе определяют по Уральским горам, на востоке — по берегам Тихого океана. Интерес к этому региону не ослабевает на протяжении нескольких веков не только в силу его природных богатств, но и благодаря накопленному здесь на протяжении нескольких веков уникальному опыту взаимодействия различных народов, религий, культур, языков и способов хозяйственной деятельности.

Современное население Сибири характеризуется чрезвычайно высокой гетерогенностью. Всероссийская перепись населения 2010 г. зафиксировала здесь более 200 различных народов. Из них около 85% приходится на славян. Следующей по численности группой являются тюрки. Значительная численность народов, совместное проживание на одной евразийской территории, тесные хозяйственные, экономические, торговые связи, межрелигиозные, языковые и межкультурные контакты, национально-смешанные браки обусловили существенную активность их взаимодействий.

Тюркское население Сибири является объектом изучения уже нескольких поколений отечественных ученых (Н. А. Алексеев, С. М. Амбразон, С. В. Бахру-

шин, З. Я. Бояршинова, В. Я. Бутанаев, Ф. Т. Валеев, Н. Ф. Катанов, М. Г. Левин, Э. Л. Львова, Л. П. Потапов, В. В. Радлов, Н. А. Томилов, Л. И. Шерстова, Д. А. Функ и многие другие). Первые обобщающие исследования основных этапов этнической истории и культуры, межэтнических контактов и современного этнического развития тюрков Сибири были опубликованы в двух коллективных монографиях, изданных в начале XXI в. [1, 2]. В них были представлены алтайцы, долганы, кумандинцы, сибирские татары, теленгиты, телеуты, тофалары, тубалары, тувинцы, хакасы, челканцы, чулымцы и шорцы.

Славянское население Сибири изучено заметно меньше. Наибольшее количество имеющихся публикаций посвящены русским, украинцам и белорусам. Несмотря на то, что культуре восточных славян посвящено немало исследований российских ученых, опыты их обобщения в масштабах всей восточнославянской общности предпринимались очень редко [3, с. 5]. Среди них можно назвать труды В. А. Александрова, Е. Э. Бломквист, И. В. Власовой, Д. К. Зеленина, А. А. Лебедевой, Н. И. Лебедевой, В. А. Липинской, Г. С. Масловой, Б. Н. Путилова, В. К. Соколовой, С. А. Токарева, Л. Н. Чижиковой, К. В. Чистова и др. Восточнославянскому населению Сибири посвящены работы Ю. В. Аргудяевой, Г. Г. Ермак, М. А. Жигуновой, Т. Н. Золотовой, А. И. Коваленко, Л. Е. Фетицовой, Е. Ф. Фурсовой, Т. К. Щегловой и др. Культура путешествия русских, казахов и сибирских татар исследована А. В. Матвеевым. Таким образом, имеется немало публикаций, посвященных отдельным

¹ «При написании статьи использованы материалы грантов: РГНФ, проект № 00-01-00372а «Русские Сибири: этносоциальные и этнокультурные процессы»; РФФИ, проект № 04-06-80438 «Эволюция метамеханизмов зрелищной культуры в социальной среде региона».

славянским или тюркским народам различных регионов Сибири и элементам их культуры, но обобщающих работ крайне мало.

Наше исследование базируется на материалах историко-этнографических экспедиций и этносоциологических обследований, проводившихся под руководством автора в различных регионах Западной и Восточной Сибири, Северного Казахстана в 1985–2019 гг., а также данных переписей и текущего учета населения, Управления федеральной миграционной службы (УФМС), отделов записей актов гражданского состояния (ЗАГС). Анализ различных типов идентичности, взаимовлияния и общих черт славянского и тюркского населения в рамках Сибири предпринимается впервые.

Существенное влияние на количество и качество межэтнических и межрелигиозных контактов оказывают характер расселения и численность контактирующих этносов. Среди славянских народов Сибири подавляющее большинство приходится на восточных славян, среди которых явно преобладают русские, менее всего белорусов. Так, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., наиболее крупные группы русских (около 2,5 млн чел.) проживали в Кемеровской, Новосибирской, Тюменской областях и Красноярском крае. Больше всего украинцев (157–38 тыс. чел.) – в Тюменской и Омской областях, Красноярском крае, а белорусов (около 26 тысяч) – в Тюменской области, Красноярском крае (около 10 тысяч) и Иркутской области (около 8 тыс. чел.) [4]. Доля русских в населении Уральского, Сибирского и Дальневосточного Федеральных округов составляла 69,3–85,9%, украинцев – от 1,2 до 4,6%, белорусов – от 0,2 до 0,8%. При этом максимальная компактность расселения встречается среди украинцев, дисперсная – у белорусов. Западные славяне представлены в Сибири преимущественно поляками (наиболее крупные их группы зафиксированы в Тюменской и Омской областях (2,4–2,2 тыс. чел.), Иркутской области и Красноярском крае (по 1,3 тыс. чел.). Меньше всего в Сибири южных славян, из которых чаще всего встречаются болгары (в Тюменской области – 2,7 тыс. чел.).

Тюркское население современной Сибири чрезвычайно многообразно. Оно представлено как коренными этносами, так и разновременными мигрантами из различных регионов Европейской России, республик бывшего Советского Союза и разных стран мира. Перечислим основные народы, среди которых проводились исследования.

Алтайцы – собирательное название тюркоязычных племен, населявших Горный Алтай и часть Кузнецкого Алатау; коренной народ Республики Алтай (69 тыс. чел.). В их составе выделяются субэтнические группы, которые в 2000 г. получили юридический статус коренных малочисленных народов Российской Федерации: кумандинцы (телесы), теленгиты, телеуты, тубалары, челканцы (лебединцы). *Татары* в Сибири представлены как коренными этническими группами (тоболо-иртышские, барабинские,

томские, сибирские бухарцы, кряшены и др.), так и астраханскими, волго-уральскими, казанскими и др. Территориями их преимущественного проживания являются Тюменская (240 тыс. чел.), Омская (около 42 тыс. чел.), Новосибирская (24 тыс. чел.), Иркутская (22 тыс. чел.) и Томская (17 тыс. чел.) области. В переписях населения сибирские татары включаются в общую численность татар, хотя некоторые ученые считают их самостоятельным этносом. *Хакасы* – коренной народ юга Сибири (73 тыс. чел.) и Республики Хакасия (63,6 тыс. чел.). Проживают также в Красноярском крае и Республике Тыва, небольшими группами – в Томской и Кемеровской областях. *Шорцы* – малочисленный коренной народ на юге Сибири (12,9 тыс. чел.). Проживают преимущественно на юге Кемеровской области, а также в смежных районах Хакасии, Алтая, Красноярского края. *Якуты* – коренной народ Восточной Сибири (478,1 тыс. чел.), основное население Республики Саха (Якутия) (466,5 тыс. чел.). Проживают также в Красноярском (1,5 тыс. чел.), Хабаровском (1,4 тыс. чел.) и Приморском краях, Иркутской области и других регионах Сибири. *Азербайджанцы* – коренное население Республики Азербайджан. Территориями их преимущественного проживания в Сибири являются Тюменская область (вместе с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами) – 43,6 тыс. чел. и Красноярский край (16,3 тыс. чел.). *Башкиры* – коренное население Республики Башкортостан, наибольшее их количество зафиксировано в Тюменской области (46,4 тыс. чел.). *Казахи* – коренное население Республики Казахстан, раньше их называли казаками, киргизами, киргиз-кайсаками. Основной территорией проживания российских казахов в Сибири является Омская область (78,3 тыс. чел.). *Киргизы* являются основным населением Республики Кыргызстан. В Сибири они проживают преимущественно в Красноярском крае (8,4 тыс. чел.) и Новосибирской области (6,5 тыс. чел.). *Чуваши* – основное население Чувашской Республики. В Сибири проживают в различных регионах, больше всего их в Томской области (4 тыс. чел.). *Узбеки* – основное население Республики Узбекистан. Территориями преимущественного проживания в Сибири являются Тюменская (14,7 тыс. чел.) и Новосибирская (12,7 тыс. чел.) области, Приморский край (9 тыс. чел.).

На ранних этапах сибирской истории многими исследователями отмечался процесс метисации. Во многом это было вызвано тем, что казаки и другие служилые люди, купцы, промышленники, попавшие в Сибирь, не имели при себе жен. С первых же лет появления они вошли в тесный контакт с проживающими здесь народами, неизбежным результатом чего явилось физическое смешение, перемешивание в образе жизни и т. д. Казачество, осваивающее Сибирь с конца XVI в., представляло собой довольно сложную полиэтничную и поликонфессиональную общность, в которую входили не только доминировавшие численно восточные славяне, но и поляки, казахи, татары, калмыки, мордва, чувашы, баш-

киры, мещераки, представители различных народов Кавказа и Азии [5, с. 31–41].

В казахстанской историографии принято «считать казачество вначале исконно тюркским явлением, трансформировавшимся затем в ходе вековой славянской колонизации юга и юга-востока в русское казачество» [6, с. 142]. По мнению некоторых исследователей, «казаки — это переходный этнос, объединивший в себе славяно-тюркские крови, родственник и европейцам, и азиатам, воплотивший в себе черты кочевника и землепашца, а также реализовавший в своей истории воинские доблести славян и тюрков, которыми в свое время они прославили себя во всех сражениях мировой истории, где им довелось принимать участие» [7, с. 40].

Известный герой русско-японской войны 1904–1905 гг. и знаменитый генерал Первой мировой войны Л. Г. Корнилов был сыном сибирского казака и казашки. В экспедиционных материалах встречаются свидетельства о том, что брачные связи между сибирскими казаками и казахами случались довольно часто. До настоящего времени употребляются одинаковые их названия, не всегда отличающиеся ударением (представителей казахского этноса называют «каза́ки», а потомков сибирских казаков — «казаки́»). Браки с людьми различных народов были достаточно распространены в казачьей среде. Так, русский землепроходец и мореплавателец, казачий атаман Семен Дежнёв взял в жены дочь якутского народа — Абакаяде Сюю. В Якутске в 2005 г. их семье с сыном Любимом был поставлен памятник, который называют «памятником первому сахалю» — так зовут в Якутии потомков из национально-смешанных семей. Сахалюры зачастую имеют европейскую внешность, но родным языком считают якутский и воспитаны в якутской культуре. Часто встречается и обратная ситуация: человек с типично славянской/русской фамилией, именем и отчеством обладает ярко выраженной монголоидной внешностью. Среди современных жителей Сибири различных национальностей нередко встречаются сочетания европейских и азиатских имен, отчеств и фамилий.

Рост числа межэтнических браков особенно активировался в советский период. Это было обусловлено политикой интернационализации и углублением процессов экстенсивной урбанизации. В отдельных регионах Сибири национально-смешанные браки в 1950–1970-е гг. составляли 25–73% от всех зарегистрированных. В городах у сибирских татар на них приходилось 60–80% [2, с. 238]. Сегодня количество межэтнических браков среди украинцев и белорусов Сибири достигает 80–90%. Согласно данным наших исследований, в семьях 70% опрошенных русских Сибири имеются близкие родственники других национальностей (чаще всего украинской, немецкой, белорусской, татарской, казахской).

Если в XVI–XIX вв. чаще славянские мужчины женились на женщинах аборигенных и других народов Сибири, то в настоящее время гораздо чаще славянские жены встречаются у представителей самых

различных этносов, включая представителей стран Дальнего Зарубежья. Так, например, только в Омске в 2017 г. были заключены 39 браков с гражданами Германии (19), Турции и Франции (по 3), Израиля (2), Бельгии, Боснии и Герцеговины, Египта, Индии, Италии, Китая, Ливана, Мали, Марокко, Перу, Сербии, Эквадора (по 1). Интересно, что среди иностранных невест оказалась только одна перуанка, которая выбрала в мужа российского гражданина, в остальных случаях иностранцами были мужчины.

В силу различных причин в таких семьях либо славянская женщина подстраивается под традиции культуры мужа (учится готовить блюда национальной кухни, осваивает обычаи и обряды, принимает религиозную веру мужа), либо разные этнические культуры мирно сосуществуют, причудливо переплетаясь. Вот, например, типичный рассказ русской женщины (Омск, 1990): «Недели через две после свадьбы, проведенной по русско-советским традициям и торжественной регистрацией в ЗАГСе, мать мужа сказала, что нужно пригласить муллу и сделать все как нужно. Я не стала сопротивляться и согласилась. После проведения мусульманского обряда бракосочетания мулла объявил меня мусульманкой. А в детстве меня мама в православной церкви крестила. Так я теперь и не знаю, кто я. Это без разницы, главное, что семья у нас хорошая и мы любим наших детей и друг друга».

Существенное влияние на межэтническую брачность оказывает миграционный фактор. В данном случае брак зачастую выступает как средство адаптации и получения определенных преимуществ. Лидером среди регионов Сибирского федерального округа по миграционным потокам является Омская область. Согласно данным УФМС, большую часть мигрантов составляют мужчины репродуктивного возраста из Средней Азии и Кавказа. В начале XXI в. нередко браки китайцев с женщинами — представительницами различных народов Сибири являлись фиктивными и оформлялись для получения определенных преференций. В национальных республиках нередко мужчины-мигранты женятся на представительницах титульной нации (например, азербайджанец женится на хакаске).

Значимым фактором является и совместное обучение. Так, например, в 2014/2015 учебном году в Омском регионе обучались иностранные студенты из 39 стран дальнего и 11 стран ближнего зарубежья (всего 9122 человек). Как правило, мигранты и их потомки чаще вступают в национально-смешанные браки. Дети из таких семей более склонны к заключению межэтнических браков, чем их сверстники из мононациональных семей.

Национально-смешанные браки можно рассматривать как своеобразный индикатор межэтнических отношений, а также как важный канал обмена этнокультурной информацией и как среду формирования новых этнокультурных традиций. В национально-смешанных семьях складывается особая микросреда, создающая благоприятные условия для

межэтнического общения и формирования соответствующих положительных установок. Наиболее высокий процент национально-смешанных браков отмечается среди восточнославянских народов. Развитие межэтнической брачности зависит от частоты межэтнических контактов и сплоченности внутри этнических кругов общения. Факторами более низкого таксономического уровня являются этническая мозаичность и миграционная подвижность населения, численность и уровень урбанизации контактирующих этносов, степень этнокультурной близости (понимаемой как языковая, культурная и религиозная), установки на межэтнические контакты как этносов в целом, так и их отдельных представителей.

По мнению почти половины опрошенных, «национальность при вступлении в брак не имеет значения», «лишь бы человек был хороший да любил друг друга». Интересно, что среди русских процент ответивших таким образом в отдельных регионах Сибири существенно превышал количество подобных ответов среди представителей других народов (особенно тюркских) и достигал 75%. Сегодня в России частота межнациональных браков у русских значительно превышает количество таковых у большинства других народов, у которых внутриэтнические брачные связи сильнее межнациональных [8, с. 10]. В целом можно отметить, что представители православия и особенно восточных славян являются довольно открытыми для брачных контактов с другими народами. Наибольшую закрытость к межэтническим и межрелигиозным бракам демонстрируют носители ислама (азербайджанцы, ингуши, казахи и др.). Нам неоднократно встречались славянские девушки, которые рассказывали о том, что родители их избранника из мусульманской среды запрещали сыну жениться на них.

Поскольку сибирский регион относится к зонам активных межэтнических брачных контактов, у многих респондентов начиная с 1990-х гг. стали возникать трудности при определении своей идентичности: «не знаю, кто я, родители разной веры и национальности», «многонациональная», «интернационалист», «трудно сказать, много в нас разной крови намешано», «метис», «микс», «полурусок», «полукровка», «гибрид» и др. Ежегодно растет количество лиц со смешанной (множественной) идентичностью: «русский татарин/казах/немец и др.», «русский хохол с еврейскими корнями», «татаро-украино-русская», «русская полячка казахского происхождения», «русская с немецкой помесью», «смешанная русско-украинско-белорусско-финская», «на $\frac{1}{4}$ русская, на $\frac{1}{4}$ украинка, на $\frac{1}{4}$ немка, на $\frac{1}{4}$ мордва», «татарка по рождению, но русская по жизни» и др.). Среди молодого поколения (чаще у славянских юношей) встречаются люди, считающие себя космополитами.

Согласно принятым нормам, при переписях населения и в официальной российской статистике не принято указывать смешанную идентичность, хотя при подготовке Всероссийской переписи населения 2010 г. этот вопрос активно обсуждался [9, с. 167].

Можно говорить и о том, что в Сибири формируется своеобразный вариант евразийской идентичности. Об этом свидетельствуют зафиксированные автором с начала 2000-х гг. такие варианты национального/этнического самоопределения, как «евразиец», «евразийка», «человек Евразии». Так, например, считает себя евразийкой женщина средних лет, отец которой — якут, а мать — татарка. Поясняет, что обладает русской ментальностью, но не может назвать себя русской, так как «на русскую внешне не похожа, но вобрала в себя и русское, и якутское, и татарское». Сходство менталитетов тюркского и русского населения Сибири, евразийский характер российской цивилизации отмечают и новосибирские социологи [10, с. 165–166].

Среди основных критериев этнической идентичности чаще всего указываются национальная принадлежность родителей и родственников, язык и культура, территория проживания, а также личные ощущения («чувствую, что я русский по духу», «потому что душа у меня русская»). Встречаются варианты идентификации, противоречащие этническому происхождению. Так, многие потомки белорусов, проживающие в Сибири, считают себя русскими. Определяют себя русскими дети из украинских, белорусско-казахских, татарско-немецких, польско-эстонских и других семей, где родители принадлежат к различным народам.

Одним из основных признаков идентичности и культуры является язык — средство коммуникации, который формирует структуру личности, ее сознание и менталитет. Но в настоящее время наблюдается рост билингвизма и полилингвизма. Русский язык является не только языком межнационального общения, но и для многих народов Сибири — родным языком, поэтому языковая и этническая идентичности не всегда совпадают. Человек определяет себя немцем, татарин или казахом, но в качестве родного языка называет русский. Иногда принадлежность к русскому народу аргументируется следующим образом: «Я родилась и живу в России, говорю на русском языке — значит, я тоже русская».

В настоящее время при самоидентификации в качестве этнической используется не только национальная и надэтническая, но и региональная, профессиональная, сословно-групповая («казак», «чалдон», «гуран», «вятская», «россейская»), гражданская идентичности («россиянин/россиянка», «гражданин России», «советский человек»/«бывший советский человек»). Так, например, студент ОмГУ (этнический казах) в графе «национальность» написал: «Чувствую себя россиянином в полном смысле этого слова». С другой стороны, некоторые девушки славянского происхождения называли себя «казашками, так как родились и выросли в Казахстане».

Среди славянского населения Сибири встречаются различные варианты этнического/национального определения себя и своих ближайших родственников: белорус, болгарин, бульбаш, великорос, восточный славянин, вятский, европеоид, като-

лик, кержак, православный, российский/россиянин, русский/истинно/чисто русский и др., русский белорус/серб/украинец и др., русский с белорусскими корнями, русский хохол с еврейскими корнями, самоход, сибирский поляк/украинец/чех, славянин, советский человек, хохол, христианин и др. С конца 1980-х гг. среди вариантов национального самоопределения все чаще стали встречаться «казаки» и «сибиряки», зафиксированы они соответственно и в материалах Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. [11]. Также в качестве варианта этнической принадлежности (особенно родителей, бабушек и дедушек) повсеместно встречаются чалдоны. Лексема «чалдон» в значении «коренной сибиряк, русский» отмечается во многих диалектных словарях [12, с. 97; 13, с. 104].

Несмотря на различия в этнической истории и культуре, конфессиональной, языковой и антропологической принадлежности тюрков и славян Сибири, можно выявить немало общих и сходных черт в их ментальности и культуре. Культура славянских и тюркских народов Сибири представляет собой сложный, многогранный феномен, характеризующийся широким диапазоном вариативности, наличием многослойных напластований и синкретизмом различных традиций. В ней прослеживается «смешение» различных черт европейской и азиатской культур, наибольшее количество которых приходится на материальную сферу (способы хозяйственной и промысловой деятельности, орудия труда и различных ремесел, отдельные элементы в жилище, одежде и пище).

Среди любимых блюд славянских народов Сибири — блины, бигус, борщ, вареники, галушки, голубцы, грибной суп, драники, домашние колбасы и котлеты, картошка с мясом, квашеная капуста, окрошка, пельмени, разнообразные пироги, соленые грузди/сало/селедка, солянка, уха, холодец (студень), щи и многое другое. Традиционным праздничным блюдом являются зажаренные целиком молочные поросята, а также гуси, утки, куры. Наряду с ними в качестве любимых блюд национальной кухни называют бешбармак, баурсаки, беляши, долму, кавурдак, казы, козинаки, лаваш, лагман, люля-кебаб, манты, махан, плов, самсу, чак-чак, чебуреки, шашлык, шаурму, шорпу, шужук и мн. др. Встречаются мусульмане, которые признаются, что любят не только различные кушанья славянской кухни, но и блюда из свинины (включая соленое сало). Зимой (преимущественно мужчинами) употребляется традиционная сибирская строганина, а летом — «сыроежка» из стерляди. Среди любимых напитков сибиряков — черный чай (реже — зеленый, травяные и др.), хлебный квас, молоко, кумыс и айран, кофе, пиво, березовый сок, клюквенный морс и др.

Религия является одной из консервативных сфер жизни, сопровождает человечество с древнейших времен и выполняет в обществе множество различных функций: мировоззренческую, психологическую, нормативно-регулятивную, коммуникатив-

ную и др. Именно религиозные представления и обряды во многом обуславливают культурную специфику каждого этноса и обладают характерными этно-дифференцирующими и этно-интегрирующими свойствами. Как известно, в бланках Первой всероссийской переписи населения 1897 г. не было графы «национальность», а записывалось вероисповедание. Это свидетельствует об определяющей роли религиозного фактора в жизни российского общества конца XIX — начала XX в. Религиозные нормы поведения регламентировали все отношения (как коллективные, так и личностные), слова «русский» и «православный» воспринимались как синонимичные.

Но в Сибири XVIII–XIX вв. довольно активно проводилась политика христианизации местных народов. Уже к концу XIX в. православные составляли основную массу не только среди восточных славян (94%), но и цыган (99%), чувашей (97%), мордвы (97%) и большинства коренных народов Западной Сибири; из тюркских коренных народов христианство приняли чулымцы, обские татары, северные алтайцы и часть телеутов [14, с. 51]. В центральных районах Республики Алтай известна группа православных туратинских казахов. Среди наших респондентов встречаются не только «русский мусульманин», «православный потомок Чингиз-хана», «православные казахи/татарин и др.», но и представители различных тюркских народов, целенаправленно принявших обряд крещения. Наряду с этим существуют и случаи принятия мусульманства отдельными представителями различных славянских этносов.

Согласно Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях», все религии и конфессии России обладают равными правами. Действующая Конституция Российской Федерации (ст. 28) определяет нашу страну как светское государство и гарантирует каждому свободу совести и вероисповедания. Год от года растет количество лиц, называющих религию в качестве главного признака, объединяющего или разделяющего один народ с другим (от 15% в 1980-х гг. до 87% в 2000-х). Определение точного количества современных последователей той или иной религии сегодня довольно затруднительно. Разные исследователи используют различные методики, критерии и практики [16]. Если применить этнический признак, то христианство и православие является традиционной религией примерно для 85% жителей Сибири (армяне, болгары, белорусы, грузины, русские, поляки, сербы, украинцы, чуваша и многие другие). Следующая значимая часть верующих представлена мусульманами, на которых приходится около 5%. Сторонники этой религии в большинстве своем принадлежат к тюркским народам (азербайджанцы, башкиры, ингуши, казахи, киргизы, таджики, татары, турки, туркмены, узбеки, чеченцы и др.). Только около 5% современных жителей Сибири считают себя атеистами (преимущественно это мужчины среднего возраста) и столько же приходится на сторонников других конфессий (бурханисты, буддисты, иудеи, тенгриане, шамани-

сты, язычники и др.). Зачастую фиксируется синкретизм различных религий, конфессий и верований.

По религиозной принадлежности большинство славян Сибири являются православными христианами, ранее делившимися на мирских и старообрядцев. Среди последних особо выделяются старообрядцы Алтая – «поляки». Это название они получили, так как были насильственно переселены в Сибирь после раздела Речи Посполитой (польско-литовского государства). Они селились в труднодоступных местах, вели закрытый образ жизни и старались не вступать в брачные связи с представителями других групп. Благодаря этому им удалось на протяжении многих лет сохранять свою самобытную культуру. Встречаются также протестанты, католики, униаты, приверженцы неорелигий, язычники, атеисты и др.

Несмотря на то, что подавляющее большинство представителей славянских и тюркских народов Сибири считают себя верующими, количество людей, хорошо знающих особенности религиозной веры и постоянно живущих религиозными практиками, незначительно (5–15%). Религиозная самоидентификация («православные», «католики», «христиане», «буддисты», «мусульмане» и др.) чаще свидетельствует о приверженности не столько к конкретной мировой религии и соответствующему ей образу жизни, сколько к исторически сложившейся культурной традиции. Нередко встречаются респонденты, считающие, что «по-своему верят в Бога/Иисуса/Аллаха. В целом начиная с конца 1980-х – начала 1990-х гг. отмечается рост религиозного сознания и влияния религии во всех сферах жизни российского общества. Общность религиозной веры считают значимым фактором для успешного брачного союза примерно 50% респондентов.

Сегодня люди различных вероисповеданий совместно отмечают не только общегосударственные, календарные, но и традиционные религиозные праздники, рождение детей и свадьбы, ходят на похороны друг к другу и совместно поминают умерших. Это является одним из существенных факторов, влияющих на формирование толерантности и способствующих этнокультурной компетенции, взаимопониманию и взаимообогащению различных религий и культур [16; 17]. На современных кладбищах Сибири и Северного Казахстана можно встретить совместные захоронения православных и мусульман за одной общей оградой и общим рвом (иногда в разных концах кладбища, иногда вперемежку). Эти захоронения стали совершаться в 1950–1960-е гг., в период массового освоения целинных и залежных земель.

Таким образом, среди славянских и тюркских народов Сибири прослеживается немало общих

черт в ментальности и культуре. Это обусловлено совместным проживанием на одной евразийской территории и в едином государстве, тесными хозяйственными, экономическими, торговыми и культурными связями, межнациональными браками, общими морально-нравственными ценностями, представлениями о семье и необходимости продолжения рода. Современные идентификационные представления как тюрков, так и славян отличаются значительной аморфностью и многообразием, зачастую не совпадают самоидентификация и реальная ситуация, разнятся (а нередко и противоречат друг другу) религиозная, этническая, языковая и этнокультурная идентичности. Учитывая, что процессы самоидентификации каждого отдельного человека являются результатом его социализации, инкультурации и адаптации, следует отметить, что сам процесс идентификации подвержен постоянной трансформации, а идентичность всегда множественна и ситуативна. Определяющую роль при этом играют социальное окружение и территория проживания индивида в период становления его личности.

Для тюркского и особенно славянского населения Сибири характерна высокая вариативность традиционно-бытовой культуры, обусловленная сложным гетерогенным составом населения, многообразием природно-географических условий проживания и хозяйственной деятельности, активными межэтническими контактами, высокой миграционной активностью. Наряду с этим наблюдаются процессы этнической консолидации, ассимиляции и межэтнической интеграции, фиксируются общесибирские черты (включая менталитет), формирующиеся на основе русского языка и культуры. Можно говорить и о том, что в Сибири формируется своеобразный вариант евразийской идентичности.

M. A. Zhigunova

Turkic and Slavic population of Siberia: identity, culture, religion

Annotation. Siberia is an area of active interethnic, interreligious and intercultural contacts the most of which take place between Slavic and Turkic peoples. Despite the extraordinary diversity of their traditional and everyday culture, they have a lot in common in mentality and culture which got all-Siberian features, formed on a basis of the Russian language and culture. The religious, ethnic, linguistic and ethno-cultural identities of one person are often not similar, as well as self-determination and the real situation. We can conclude that Siberia is a place where a special version of the Eurasian identity is formed.
Keywords: *Slavic and Turkic peoples; present; Siberia; problems of identity; inter-ethnic marriage; mutual influence of peoples, religions, cultures; eurasianism.*

Источники и литература

1. Тюркские народы Восточной Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев. Москва: Наука, 2008. 422 с.
2. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. Москва : Наука, 2006. 678 с.
3. Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры / гл. ред. акад. Ю. В. Бромлей, отв. ред. чл.-корр. АН СССР К. В. Чистов. Москва : Наука, 1987. 560 с.

4. Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 01.09.2020).
5. Андреев С. М. Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие (1808–1917 гг.): монография. Омск: Омск. акад. МВД России, 2006. 259 с.
6. Абдиров М. Ж. История казачества Казахстана. Алматы, 1994. 160 с.
7. Угренинов С. А. Казачьи сотни и казахские отряды: рука об руку. Костанай: ТОО «Костанайский печатный двор», 2007. 250 с.
8. Троцук И. В., Парамонова А. Д. Приоритеты и стереотипы российской молодежи в сфере брачности (на примере национально-смешанных семей) // Вестник РУДН. Сер. «Социология». 2015. Т. 15. № 3. С. 45–62.
9. Назимова Л. Р. Смешанные этнические идентичности в мультикультурном обществе // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 153, кн. 5. 2011. С. 166–175.
10. Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск: Автограф, 2014. 179 с.
11. Жигунова М. А. Концепт «сибиряк»: современные трактовки, подходы и образы // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования / сост. и отв. ред. М. Н. Губогло. Москва: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2018. С. 351–368.
12. Демешкина Т. А. Славянский компонент в самоидентификации жителя Сибири // Русин. 2015. № 3 (41). С. 90–107.
13. Федоров Р. Ю. Чалдоны и самоходы: мифы идентичности и этнографическая реальность // Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 102–115.
14. Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 232 с.
15. Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35–45.
16. Жигунова М. А. Сибирский опыт взаимодействия ислама и православия // Психолого-педагогические исследования в Сибири. 2018. № 1. С. 118–122.
17. Zhigunova M. Islam and orthodoxy in Siberia and Kazakhstan at the beginning of the 21st century // Shamanhood and Mythology: Archaic Techniques of Ecstasy and Current Techniques of Research. In Honour of Mihály Hoppál, celebrating his 75th Birthday. Budapest: Hungarian Society for Religious Studies, 2017. P. 481–490.

УДК 304, 314

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-34-36

А. В. Исаченко

Карасукский краеведческий музей Новосибирской области, г. Карасук, Российская Федерация

Влияние переселенческого движения на формирование церковных приходов южной территории Каинского уезда в начале XX в.

Аннотация. Статья анализирует влияние процессов переселенческого движения на формирование православных церковных приходов южной территории Каинского уезда Томской губернии в начале XX в. **Ключевые слова:** переселенцы, волости Каинского уезда, приходы Омской епархии.

Переселенческое движение на рубеже XIX–XX вв. значительно повлияло на увеличение численности населения Томской губернии. По сведениям заведующего переселенческим делом в Томском районе на 1907 г., «за последние 12–13 лет в Томской губернии переселенческой организацией образовано свыше тысячи земельных участков, на которых уже поселилось 250 тысяч душ обоого пола и ожидается к водворению еще до 200 тысяч» [1, л. 24–25 об.].

Большинство переселенцев были выходцами европейских губерний Российской империи, которые имели сложившийся жизненный уклад и духовно-нравственные традиции. Помимо устройства быта, постепенно возникала необходимость в устройстве духовно-религиозной жизни прибывшего населения. Многие из образованных поселков располагались среди старожильческих селений, на более или менее близком расстоянии от них, вследствие чего новоселы имели возможность войти в состав существующих церковных приходов и удовлетворять свои духовно-религиозные нужды в ближай-

ших церквях. Но наряду с такими поселками очень много новых поселений образовалось совершенно в стороне от заселенной полосы. К такой категории новых поселений относилась южная часть Каинского уезда, где началось заселение обширного степного пространства Юдинской и Купинской волостей (в границах современных Чистоозерного, Купинского, Баганского и части Карасукского районов Новосибирской области). Только в 1907 г. на этой территории были образованы 64 переселенческих участка, на которых поселилось 2514 душ обоого пола и ожидалось к водворению на следующий год 8393 души [1, л. 24–25 об.].

Жители этих поселений из-за их отдаленности не имели возможности посещать церковь, исполнять христианский долг и были лишены общения с церковнослужителями. Данная часть Каинского уезда Томской губернии с 1895 г. входила в состав Омской епархии. В письме заведующего переселенческим делом в Томском районе на имя Его Преосвященства епископа Омского и Семипалатинского Гаврии-